

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Главный редактор «Нового Енисейского литератора».

ОТКОС

Глава из романа

Продолжение. Начало в «НЕЛ» №№ 1 — 2/2017, 4 — 5/2018, 1, 3 — 5/2020, 1 — 4/2021, 2 — 4/2022

Евгений-Володя

Выбирать и доверять

Можно выбрать свой путь, но не людей, которых встретишь на нём.

Артур Шницлер,

австрийский писатель и графатур

1.

Было слышно: где-то грохотал поезд. Евгений прислушался: звук дальний. Если бы поезд приближался по одному из пути, то гул его бы нарастал. Но стук колёс был ровный — не приближающийся и не отдаляющийся.

«А может, это у меня уже в голове стучит? Вчера ночь плохо спал, сегодня приключение...»

Он вспомнил о том, что было вчера. Это «вчера» теперь осталось в другой жизни и происходило как будто не с ним, а с другим человеком — спокойным, уравновешенным, уверенным в себе.

«Какой леший дёрнул меня выйти из поезда на перрон? Сидел бы в купе себе, заигрывал с проводницей. Угощал бы бедную красотку коньяком, шоколадом, а потом целовал бы её шоколадные губы, чувствовал бы на своём лице её коньячно-шоколадное дыхание. Баночку с крабами можно было бы открыть... А теперь всё это: и коньяк, и крабы, и деньги, и документы, — осталось в вагоне... Нет, паспорт должен быть со мной, в левом внутреннем кармане пиджака... — Евгений просунул руку под пиджак и нащупал корочку паспорта. — Здесь... Да и деньги должны быть в кармане брюк. Да... Есть.

Но остальные вещи: сумка, куртка, — остались в поезде... да уже и не поезде — менты всё конфисковали... Наверное, сумка моя где-то в отделении лежит... Осталось только меня здесь, беспомощного, подобрать...»

Вчера, примерно в это же время, поезд подъезжал к Иркутску. Он попросил проводницу разбудить его и в Иркутске выходил на перрон. Ранним утром народу у поезда было немного. Он смотрел на здание железнодорожного вокзала, которое встречало и провожало его много-много раз. Когда одного, когда с друзьями. От этого вокзала уезжал он и в Тайшетград, и в Москву, и к Константину в гости и возвращался обратно, как к родному причалу. Встречал вокзал этот его, и когда он был солдатом, и когда был студентом. Проезжал он Иркутск несколько раз и транзитным пассажиром, и не всегда ему приходилось выходить на перрон. Но вчера он выходил. Покупал сигареты, прогуливался вдоль состава. Поезд стоял в Иркутске сорок минут. Была мысль зайти в здание вокзала, но он не зашёл. Простоял на перроне до самого отправления. А если бы зашёл, то, может быть, и там бы встретил не желательных ему знакомых, и пришлось бы убежать, прыгать с поезда не за родным городом, а в районе станции Иркутск-Сортировочный или возле Ангарска.

«Да кого бы я там встретил? Даже если бы и встретился кто-то из старых знакомых, навряд ли мы бы узнали друг друга. Сколько времени прошло... И в Тайшетграде бы меня никто не узнал, если бы не случайная встреча с бывшим следователем Антоновым. Наколочка подвела... Какого хрена её по дурости в армии сделал?.. Хватило потом ума на зоне не рисовать себе партаки...»

Партак — так называли в местах лишения свободы наколку в виде рисунка на теле. По зековским преданиям и по закону жития невольников, в первое время наколки делались только авторитетным арестантам, чтобы по ним можно было узнать статус, занимаемый в уголовном мире. Скорее всего, это было по аналогии с племенами из Америки, Австралии и Океании, где с помощью татуировок обозначали статус того или иного соплеменника, его роль в племени от вождя до рядового.

Говорили, что татуировки-партаки делали ещё в Древнем Риме рабам, но там всё же, скорее всего, ставили клеймо.

А это не наколка. Наколки делались в царских тюрьмах России, а потом и на советских зонах только с разрешения авторитетов, которые и давали статус — они только имели право «поднимать» или «опускать» сокамерников. А после Великой Отечественной войны, во времена уже развитого социализма, когда власть авторитетов ослабла, наколки-партаки стали делать и фраера — рядовые зеки, попавшие в неволю по «лёгким» срокам на два-три года. Как правило, именно эти фраера и создавали у себя — кто на спине, кто на груди, а кто и на животе — целые картинные галереи, порой не понимая даже, что означает тот или иной рисунок по понятиям уголовного мира. Дурной пример заразителен. Наколки стали делать и в армии. Сначала в строительных батальонах, куда брали даже ранее судимых, потом и в других войсках. А теперь всё это пошло и на волю. Стали открываться разные салоны, где вполне легально можно сделать себе рисунок на любой части тела. Причём и мужчинам, и женщинам. Конечно же, в подавляющей массе в эти салоны (как их называли — тату-салоны) хлынула молодёжь. Юные, с ещё не окрепшим сознанием юноши и девушки.

Вот и он сам, толком не зная, что делает, за компанию, на втором году службы сделал наколку на тыльной стороне ладони, между большим и указательным пальцами правой руки. Всего две буквы — инициалы, обозначающие его имя и фамилию. Ему было достаточно. В штабе служил художник — парень из Прибалтики, он писал объявления, плакаты, и к нему обращались, если нужно было сделать наколку. Он брал от трёх до десяти рублей за работу. За более сложные «шедевры» стоимость увеличивалась. Володя отдал за две буквы три рубля. Во сколько рублей обошлись картины на предплечьях для Травкина и Мазура, с танком у пограничного столба и надписью «СССР — КНР. 1976 — 1978», он у них не спрашивал.

Евгений снова прислушался. Где-то далеко грохотал поезд. «Чего ждать? Боль отпустила... Не так теперь достаёт... Нужно вылезать на рельсы, перевалить в междупутье, потом перебраться через второй путь — и вниз, на другую сторону откоса...»

Он подтянулся, дотронулся до второго рельса.

«Ну, ещё рывок!..»

2.

Память человека избирательна. Володя, взрослея, всё больше и больше убеждался в этом. Какие-то фрагменты своего детства и юности он помнил очень хорошо — до каждого поступка, каждого слова, сказанного им или кем-то из близких, помнил детские лица друзей, даже кто во что был одет в какой-то из памятных дней. Перед глазами, как на экране в кино, всплывали целые картины и повторялись эпизоды из его жизни, которые, казалось, уже забыть нельзя. Но вот что-то из событий, имён, лиц словно кто-то сознательно вынимал из его памяти. Иногда мать говорила ему о соседях, живших неподалёку от них, а он не мог их вспомнить. Бывало, неожиданно всплывала в памяти картина раннего детства, и он снова переживал случившиеся давным-давно события, и более того — к нему приходили ощущения, пережитые много лет назад. Когда он сам, работая на заводе, перед службой в армии купил себе велосипед, вдруг вспомнился велосипед другой — «Школьник», подаренный ему дедом. Вспомнилось, как он учился ездить на нём, и как падал, и как позже пытался прокатить на «Школьнике» сестрёнку и они упали прямо на забор огорода. Он ушиб себе ногу, Аня поцарапала руку. Сестра, когда он рассказал ей, этого не помнила, зато рассказала ему, как он сжёг однажды в печке свой дневник и его поставили в угол за этой печкой в доме по улице Северо-Вокзальной. А про дневник, сколько ни силился, Володя вспомнить не мог.

Вот и позже словно провалились, ушли из воспоминаний целые дни и события его жизни. Причём события, произошедшие с ним уже во взрослой жизни. Кое-что вспоминалось фрагментами, но не представляло целой картины. Он сделал вывод: в детские годы и пору незрелой юности память удерживает многое, а после тридцати примерно лет — только самое основное. Догадку его частично подтвердил выступающий по телевизору учёный-литературовед, поведавший телезрителям о том, что многие поэты свои лучшие сочинения написали в возрасте до тридцати лет.

«До тридцати лет человек познаёт мир, многие картины из жизни, картины природы он видит и переживает впервые. Поэтому и стихи молодых талантов свежи и необычны. Они

открывают для себя мир и объясняют его по-своему, говоря о вещах давно известных и вроде бы понятных всем, — говорил профессор. — А после тридцати лет человек набирается опыта, окружающий его мир уже не представляет для него повышенного интереса. Тогда вырабатываются комплексы, и талантливые поэты становятся философами, выражающими свои мысли стихотворной строкой. Я не уверен, что такой человек, как Омар Хайям, был поэтом в прямом понимании этого слова. Пусть со мной поспорят, я посмею заявить, что Хайям — известный миру великий учёный-математик — был ещё и философом, но не поэтом. Свои научные труды он записывал на арабском, а рубаи сочинял на своём родном — языке фарси. Большинство из нас знает рубаи Хайяма по переводам на английский и русский языки. Но перевод — это уже творческий процесс, совершённый другим человеком, и всегда по прочтении переводов у меня возникают вопросы: а правильно ли понял мудреца переводчик? верно ли он донёс его мысль при переложении? В истории переводов полно ошибок и неправильных трактовок сказанного в первоисточнике. Частично удаётся сделать поправки, но большая часть так и существует в искажённом варианте, принятом большинством и большинством же цитируемая».

Володя случайно наткнулся на выступление учёного мужа, когда был дома в Тайшетграде и уже торопился на вокзал. Передачу эту он не досмотрел и фамилии профессора не узнал, но мысли, высказанные с телеэкрана, глубоко западали в сознание. И позже, читая книги иностранных авторов, переведённые на русский язык, он смотрел на фамилии переводчиков. А потом находил их самостоятельные работы. Порой это было сделать несложно — за перевод многих художественных произведений зарубежных писателей брались известные поэты и прозаики. Как дореволюционные, так и советские. И Володя, сравнивая творчество авторов и их переводы, находил много общего и иногда, взяв в руки книги зарубежных поэтов, задумывался: читает ли он мировую классику или пересказ её В. Жуковским, Б. Пастернаком, С. Маршаком, К. Чуковским?

Размышления о творчестве и переводах снова привели мысли Володи к памяти. В детстве и юности он много читал и по прочтении хорошо запоминал не только сюжет, но и

фамилии авторов книг, в том числе иностранных: Клиффорд Саймак, Станислав Лем, Антуан де Сент-Экзюпери, Роберт Льюис Стивенсон. Но вот когда становился старше и вроде бы умнее и опытнее, память, удивительное дело, переставала цепляться за новые имена и не всегда сразу чётко воспроизводила сюжеты. Например, он почему-то долго не мог запомнить имена писателей Уильяма Фолкнера и Германа Мелвилла, книги которых читал позже.

— Это перегрузка мозга информацией, — пытался объяснить Володе приятель и сокурсник Константин Выборов. — Чем больше мозг получает информации, тем больше он её фильтрует, откладывает по полочкам. Ближе — то, что пригодится всегда, подальше — то, что может и вообще не пригодиться.

— Тебе, Костя, я думаю, это не грозит. Ты всегда всё помнишь, — говорил ему Володя без тени зависти, искренне восхищаясь эрудицией товарища. — Тебе бы не на историка учиться, а на биолога.

— Нейробиолога, — поправлял Володю Константин. — Изучением мозга человека занимается наука нейробиология.

Если даже нейробиология и могла объяснить, дать ответы на многие вопросы Володи, ему, конечно же, от этого было мало пользы.

Он сам себе пытался объяснить, почему помнит хорошо почти каждую деталь дня, когда они увольнялись в запас из армии и ехали в воинском эшелоне, свой разговор с Катей, сестрой Юрки Матзагира, день поступления на подготовительный факультет университета, поездку на Байкал, день и вечер, когда продавал джинсовый костюм, первые две поездки проводником в Москву и Ленинград, а вот дальше — только выборочно и почти без подробностей. В памяти мелькают какие-то значимые дни, и больше ничего...

Например, поездка в Читинскую область на археологические раскопки...

3.

Константин...

Этот вездесущий, всезнающий, всё умеющий Константин добился, чтобы их, включая Исаака, зачислили в состав

археологической экспедиции после третьего курса. Исаак ехал как журналист-практикант, чтобы рассказать на страницах университетской газеты о работе археологов.

— Да я буду наравне пахать со всеми! — говорил обрадованно Исаак. — Лишь бы быть с вами!

— Будешь, будешь! И не только пахать, но и сеять, — смеялся довольный собою Константин.

Володя помнил, как они ехали в поезде. Он старался разглядеть знакомые ему места, но ничего не узнавал, вспомнил только названия станций, которые они проезжали в воинском эшелоне. И то те, на которых тогда останавливались.

Они сошли на станции Оловянной, где их ждали три грузовых автомобиля ГАЗ-66 и два легковых «уазика». Погрузили оборудование. Археологи и студенты поехали на грузовиках, руководители раскопок — на легковушках. Среди руководителей по каким-то причинам затесался и вездесущий комсомольский секретарь университета Сергеич.

Остановились в поле, около небольшого кургана, километрах в двенадцати от села с названием то ли Солонцы, то ли Солонечное. Ставили палатки, разгружали оборудование, обживались.

Года два назад в этих местах было обнаружено поселение древних людей. Тогда возле кургана нашли несколько захоронений и что-то похожее на постройки. Но за год, что не было археологов на объекте, местные жители многое растащили, и теперь приходилось проводить исследования почти заново.

— Хорошо, что кое-что вывезли в позапрошлом году, а то бы всё, пропал объект, — сказал им Тёзка Пушкина, ставя задачу перед новичками. — В прошлом году не смогли сюда выехать. Другая работа была.

— А вы бы нам, Александр Сергеевич, поручили. Мы бы за свой счёт сюда приехали и завершили работу! — смеясь, сказал Константин. — Правда, ребята? Мы ведь такие?

— Я ценю твой юмор, Выборов, — ответил на это Сергеич. — Юмор нам жить и работать помогает! Вот, поручаем вам этот объект нынче. Но без самодеятельности. Всё должно быть под руководством начальника экспедиции и его заместителей.

В наше отсутствие местные кладоискатели покопали тут чуток, но хорошо, что ничего не нашли. А то погубили бы находки.

Начальником экспедиции был доктор исторических наук из Новосибирска. Среднего роста, с аккуратной небольшой бородкой, он постоянно, как капитаны из жюль-верновских романов, держал во рту трубку. Володя ни разу не видел, чтобы трубка эта дымилась, но она была во рту у профессора, казалось, и тогда, когда он спал. Профессор лишних слов не говорил. Каждый день он проводил короткие планёрки, давал задания.

Один лишь раз прорвало профессора на монолог. В поезде. Вечером профессор зашёл в плацкартный вагон, где ехали студенты, предупредить, что завтра они прибывают на станцию и нужно всё подготовить и ничего не забыть. Когда профессор присел на минутку, Константин попросил разрешения задать ему вопрос.

Профессор разрешительно кивнул.

— А как вы считаете, есть ли смысл проводить поиски и археологические раскопки в Сибири? — спросил Константин. — И если есть, то насколько они ценны в мировом масштабе? Ведь принято считать, что цивилизация зародилась где-то там, между рек Тигр и Евфрат, а развивалась в Египте, Древней Греции...

Профессор посмотрел на Константина и студентов и, в очередной раз вынув трубку изо рта, сказал:

— Если вам действительно интересна моя точка зрения, то прошу присесть всех и послушать. А соглашаться со мной или нет, решайте сами.

И, не дожидаясь, когда студенты рассядутся, он вдруг начал говорить громко, быстро и с пафосом.

Из сказанного тогда профессором Володя понял, что археологическим исследованиям в Сибири уделяется незаслуженно мало внимания и что это несправедливо. Профессор говорил, что есть свидетельства европейских и восточных путешественников, рассказывающие о городах и царствах, существовавших ранее на территории современной Сибири, но их почему-то не считают серьёзными и скептически относятся к составленным несколько веков назад географическим картам, считая их более поздними подделками.

— А надо бы изучать всё подробнее, более тщательно. Не может такая большая территория на протяжении тысячелетий быть заселена только кочевниками, — говорил, глядя то на Константина, то на всех остальных студентов, профессор, поминутно вынимая и вставляя трубку в рот. — Есть сведения, что большие города с каменными и деревянными постройками существовали на севере нынешней Омской области, на Алтае, в Хакасии. Вполне могли существовать целые государства или хотя бы большие поселения по берегам озера Байкал. А вообще, друзья, — сказал, улыбнувшись под конец своего монолога, профессор, — если взять в расчёт теорию, что на Земле уже было несколько человеческих цивилизаций и люди живут на планете не тысячи, а миллионы лет, то можно смело копать в любом месте — и обязательно что-то найдёте. Не такая уж и большая наша планета, чтобы были в ней места, где не ступала нога человека. И дно океана надо тоже брать в расчёт. Возможно, где сейчас моря и океаны — раньше была суша, и наоборот.

То общение с профессором глубоко запало в душу Володе. И, видимо, не только ему.

— Профессор дал мне повод для новых размышлений, — сказал тогда Володе Константин. — Я давно подозревал, что в Сибири были свои, не менее развитые, чем в Европе, страны и города. Про Древний Китай мы кое-что знаем, а про такую большую территорию — практически ничего.

— Давай посвятим свои жизни исследованиям древней Сибири, — полушутя-полусерьёзно сказал тогда другу Володя.

— Давай! — засмеялся Константин. — Но только сначала университет закончим.

Инструктаж по технике безопасности работ, тоже каждый день, вели заместители начальника: Сергеич (как узнали друзья, защитивший недавно кандидатскую) и угрюмый человек, постоянно, и в жару, и в прохладную погоду, ходивший в свитере с глухим воротником, по имени Павел Иванович.

— Копаем, ребята, осторожно, бережно перебираем землю. Надо стараться ничего не повредить. Если зацепите лопатой скелет или вещь какую, не дай бог, повредите —

уже ничего потом не поправишь, — каждый день напоминал им Павел Иванович.

— Загадочные и странные эти люди науки! — улыбаясь, констатировал Константин уже на третий день работы экспедиции.

Работа у них была простая. Они копали. Им говорили, на какой участок встать, — они вставали, им говорили, копать здесь или там, — и они копали здесь и там. Копали осторожно, стараясь бережно снимать каждый новый слой земли. Однообразие, казалось, бесцельное копание и полное отсутствие романтики вскоре ввело всех в уныние. Грезившие и мечтавшие о крупных находках студенты-историки, кто робко, а кто, как Витя-Перец, открыто, стали высказывать сожаление.

— Лучше бы снова, Костя, ты нас проводниками устроил. Ездили бы опять в Москву. Инесса бы с нами поехала...

— Да какая тебе история и археология, Витяня? Тебе Инесса нужна и спокойная супружеская жизнь... Вы там далеко в любовных делах-то продвинулись или просто ещё в кино ходите? — пытался шутить над Витяней Константин.

— К-куда н-надо, т-туда и п-продвинусь, — обижался взволнованный Витя-Перец. — Од-дно тебе с-скажу: б-благодарю за т-то, ч-что понял б-благодаря т-тебе, что археол-логия не д-для м-меня. Б-буду луч-чше учителем в ш-школе.

— Ну и хорошо, хоть в этом толк есть. Благодарю благодаря, — тоже уже невесело говорил Константин.

Одно у них было развлечение: иногда их отпускали вечером в село. Они с радостью шли двенадцать километров туда, а потом возвращались обратно. Бывало, приходили в лагерь далеко за полночь.

В селе (или, как говорил Константин, в деревне) два раза в неделю на площадке возле клуба устраивали танцы. Выбор невест из местных был невелик, но зато там на практике находилась группа студенток Читинского филиала Иркутского сельскохозяйственного института. Будущие агрономши и зоотехники.

Конечно, там были не только студентки, но и студенты, но это не мешало археологам, как их все называли на танц-площадке, приглашать на танец девушек из Читы.

Серьёзных недоразумений со студентами-аграриями не возникло. Уже на первой встрече на танцплощадке иркутян и читинцев стало понятно, каких девушек можно было приглашать, а на каких лучше археологам не заглядываться. Археологи и не заглядывались. Им вполне на четверых хватало пятерых не имеющих особого покровительства со стороны своих парней девушек. В принципе, для Володи был выбор из трёх девушек. Ибо самую высокую из них, Нину, сразу прибрал к рукам Константин. Он танцевал только с ней и порой уводил её (а может, она его) с танцплощадки за полчаса до окончания танцев. Постоянную партнёршу по танцам приобрёл себе и Исаак. Смуглая симпатичная девушка по имени Венера приехала на учёбу в Читу из Якутска. Отец у неё был русский, а мать якутка. Между собой девчонки и парни из Читы звали её сахалярочкой. Исаак с Венерой тоже иногда уходили с танцев пораньше, и, бывало, домой ближе к ночи возвращались только Володя и Витяня, а Константин с Исааком приходили в палатку только на рассвете.

Не горел большим желанием танцевать (а бывало, что даже и не выходил за целый вечер на площадку) Витя-Перец. Понятно, что он грустил о разлуке с Инессой. Володя же, как джентльмен, приглашал по очереди не охваченных вниманием Валу, Свету и Катю. Володя хоть и держался со всеми тремя ровно, но всё-таки для себя выделял из них Катю. Наверное, потому, как думал он, что она чем-то ещё (не только именем) напоминала ему сестру Юрки Матзагира — Екатерину, с которой Володя переписывался, когда служил в армии. Правда, к роману, как Константин или Исаак, Володя не стремился. Он понимал, что навряд ли свяжет свою жизнь с работниками сельского хозяйства, а просто так заставить увлечься собой и сбить с толку Катю или других девчонок он не хотел.

В общем, друзья разделились на две группы. Володя и Витяня держались целомудренно, а Константин и Исаак вступили в любовные отношения.

Продолжение главы следует